

Текст: Вячеслав Недошивин, кандидат философских наук, ведущий рубрики

# ЛАРИСА РЕЙСНЕР. КРАСИВОЕ И БЕЗОБРАЗНОЕ ЛИЦО РЕВОЛЮЦИИ

## ОТ МОЛОДОЙ ПОЭТЕССЫ ОСТАЛИСЬ КРЕПКИЕ СТРОЧКИ И ВОСХИТИТЕЛЬНЫЕ ЛЕГЕНДЫ

# Е

Ее любили близкие, дальние, даже самые далекие. В Москве,

Берлине, Кабуле. О кончине ее скорбели Троицкий, Бухарин, Киров, и, представьте, Мандельштам, Ахматова и Пастернак. А через два года могла ее на Ваганыкове быть утеряна. Сравнилась с землей.

Хотя в ней покоилась ни много ни мало Мадонна революции.

«Товарищ Лариса».

### Две сестры

— Лариса Рейснер? — переспросила меня седая красавица. — Лариса — моя кузина, — и, удивляясь моему удивлению, повторила: — Да, да, старшая сестра.

Это было в 1970 году. Я пришел к писательнице Екатерине Михайловне Шереметьевой по какому-то газетному делу. Потом взлетал к ней на 6-й этаж довольно часто. Встречи стоили того.

— Не поверите, я буквально молилась на нее, — говорила о двоюродной сестре. — А потом все в нашей семье отвернулось от нее. Мы слишком много узнали. Не самого, как бы это сказать, достойного...

Факты она и впрямь приводила ужасные. Кровь, предательство, ложь. Я был огушен. Ведь только что вышла книга воспоминаний о Рейснер, которую проглотил с упоением. Героиня Гражданской войны, прототип «Оптимистиче-

\*1

Лариса Рейснер.  
Репродукция рисунка  
из семейного архива.



ской трагедии» Вишневецкого, очаровательная поэтесса, в которую были влюблены и Гумилев, и Есенин, аристократка, с головой ушедшая в революцию, наконец — пламенная публицистка не только объехавшая всю страну с удостоверением «Известий», но и нелегально, под чужим именем, побывавшая на баррикадах восставшего Гамбурга. Ведь все это было!

А еще были легенды, да какие!

Писали, что она, флаг-секретарь Волжской флотилии, переодевшись простой бабой, подняла восстание против белых где-то под Казанью. Что с самим Троцким, кого ныне прямо зовут ее любовником, открывала в Сивьевске памятник Нуде Искариоту — «первому революционеру». И, что совсем уж фантастика, на коне въехала на какую-то партконференцию...

Да, страшные рассказы Шереметьевой оглушили меня. Понадобились годы, да что говорить — десятилетия, чтобы понять: все было как должно было быть. И я, отягощенный историческими знаниями, пишу о Мадонне революции, потому что по-прежнему восхищаюсь ей.

### Ах, каток!

Каток «Монплеизир» заливали 100 лет назад на месте нынешней станции метро «Чкаловская». Лариса так полюбила коньки, что даже за месяц до смерти будет бегать на них. В Москве, в декабре 1925 года, ее встретит коллега из «Известий»: «Она шла, мягко кутаясь в доху из посеребренного меха. В руке перезванивали коньки. «Чудесный сегодня день, — крикнула ему. И обернулась: — А замечательно жить на свете...»

Ах, каток, каток! Кто из нас не влюблялся на нем? Лиловые сумерки, луна пополам с прожектором, оркестр, выдувающий вальс «На сопках Маньчжурии», фигурки на льду на «норвежках», «снегурочках», каких-то изогнутых «нурмисах», «восьмерки», «кораблики», «волчки». И знаменитый, «царственный», по словам Ларисы, «голландский шаг». Она каталась в белом синтере и потому была заметна, была — как в прицеле десятков, сотен мужских глаз. «И начался полет, — пышно напишет про себя, — с прерывистым и чистым дыханием, с телом лебедя, с быстротой юности. Поэт крепко держал и нее по воздуху тело молодого и бесплотного духа...»

Поэт — это Володя Злобин, студент, влюбившийся в нее. Он назовет ее «чудом непостижимым». А она, когда он провожал ее после «снежной оргии», как-то сказала: «Знаете, у вас профиль Данте. Я буду звать вас Алигьери. Пожалуйста, Алигьери, давайте издавать журнал...»

Речь шла о журнале «Рудин», 16-страничных тетраджах, в которых однако стали печататься и Мандельштам, и Александр Грин, и Алексей Чаягин. Журнал был боевой, воевал против войны 14-го года, «кусал» ее сторонников — Бальмонта, Леонида Андреева, Городецкого, Чуковского, даже П्लеханова. Блок скажет



потом в дневнике, что журнальчик был «до тошноты плюющийся злобой, грязный, но острый». А Лара про первый номер напишет: «Журнал привезли из типографии завернутым, как новорожденного, и торжественно развернули на столе. Грин в невероятно высоком и чистом воротничке, грел возле печки свое веселое и безобразное лицо». Тогда-то Злобин и сделал ей предложение.

### Кони и трепетная лань

«Глуше для в моей жизни не было», — вспоминал Злобин. Подстригся, купил цветы и поперся к ней. Лариса вышла не сразу, а появившись, села на кончик стула. «Я вручил ей букет и сказал все, что в таких случаях полагается. Она посмотрела на меня безучастно: «Вот неожиданность! — И помалочку, вставая: — Нет. Я вас не люблю».

Известно, еще до этих событий, в 1915-м, ее позвал замуж только что возникший в Петрограде крестьянский парнишка Есенин. Позвал после вечера в Тенишевском училище, где он, еще в розовой косоворотке, «запугивал» под тальнику забористые частушки, а Городецкой, Клюев, Ремизов, Блок, да весь зал и Лариса, конечно, бешено аплодировали ему. «Публика корчилась в колючих. Отовсюду несли утробный сплошной



- \*2 С родителями.
- \*3 На катке. Начало XX века.
- \*4 Аттестат зрелости золотой медалистки Петербургской частной женской гимназии Ларисы Рейснер. 1912 год.
- \*5 Журнал «Рудин».



рев толпы: «Ж-жжм-и... Жжж-арь! Наяривай!», — пишет поэт П. Карпов. А когда вышли на улицу, Есенин догнал Ларису и, на волне успеха, брякнул: «Я вас люблю, лавочка!.. Мы поженимся». Вот тут-то, пишет Карпов, она и хлестнула его по-петербургски: «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань»...

Известно также, что в том же 1915-м за ней стал ухаживать знаменитый уже Натан Альтман, художник. Более того, в отличие от рохли Есенина, Альтман как-то полез целовать ее, но она оттолкнула его: «Не надо». «Почему?» — наивно спросил наглец. И услышал: «Жду Лоэнгрина». Мыслите?! Того рыцаря Святой Чаши Грааля, из крестоносцев, который приплывает к ней на лебедь и спасет ее. Недаром она всю жизнь любила лебедей. Вера Инбер в посмертной статье о Ларисе, написав, что у каждого пишущего всегда найдется любимый образ, подчеркивает: «Такими любимцами у Ларисы явились итци, в частности лебеди, особенно лебеди...»

«Лебедем», но в погонах прапорщика, Лоэнгрином, но не спасителем, станет для нее Гумилев.

### Гумилев

В 1919-м она скажет о нем сослуживцу по полготделу: «Черный гусар, ярый монархист», который хочет «все взять, овладеть каждой вещью, инспектировать каждую женщину». А через год уже просто по-бабы пожалуется Ахматовой, бывшей жене Гумилева, что «была невинна, что любила его», но он «очень нехорошо поступил — завез ее в какую-то гостиницу и там сделал с ней «всё»...

Да, это вам не Альтман! Не провинциал Есенин! С Гумилевым она встретилась в «Бродичей собаке», в дымном чаду питерского подвального

ка поэтов и писателей. О, как «расцвечена» была эта любовь! Стихи, поэмы, книги посвящены ей. Чуть ли не три сопливых фильма сняты, где герой любит друг друга до конца, где он отнюдь не рвет с ней, а она не зовет его «уродом и мерзавцем» и где сусальные кадры, как и положено, тонут в розовой дымке под звуки наяривающего в небесах сводного симфонического оркестра Гостелерадио.

Что было в жизни, а не в кино? Гумилев приехал с фронта с первым Георгием на груди. «За конную разведку», — отускал глаза, Шгафиров-поэты вслещивали руками, а глаза женщины в полутьме загорались дьявольской искрой. Скалочный вечер: свечи, сигары, звон бокалов, стихи, слегка попахивающие порохом. Могла ли Лариса, «ионический завиток», как назвал ее Манделштам, не влюбиться в героя? «Он некрасив, — напишет потом в романе. — Узкий и длинный череп... неправильные пасмурные брови, глаза — несимметричные, с обворожительным пристальным взглядом». И добавит — глаза в упор смотрели на нее, незнакомку и «сладоострастно сожалели» (ее стиль!), что она, вся такая «с непреклонным профилем», недостижима для него.

Не думаю, что так думал и он. «Недостижимых» для него, бродяги, война, поэта попросту не было. И если бы не война, не редкие появления его в городе, эта «крепость» пала бы перед ним куда раньше.

Она стала звать его «Гафиз», по имени героя его прошлой пьесы, он ее — «Лери», так собирался назвать героиню в будущей своей пьесе «Гондле». В письмах с фронта писал ей: «Не забывайте меня... Я часто скачу по полям, крича навстречу ветру Ваше имя... Вы прекрасны... У Вас красивые, ясные, честные глаза, но Вы слепая; прекрасные, юные, резвые ноги и нет крыльев... Вы принцесса, превращенная в статую». Лариса смиренно отвечала: «Мне трудно Вас забывать. Законопаш все по порядку, так что станет ровное место, и вдруг какой-нибудь пустяк, ну, мои старые духи или что-нибудь Ваше — и вдруг начинается все сначала». Потом письма станут нежнее: «Я помню все Ваши слова, все интонации, все движения, но мне мало, мне хочется еще... Это оттого, что я Вас люблю. Ваш Гафиз». Он закончит «Гондлу» и посвятит ее Ларисе.

Но одновременно посвятит ее и Ане Энгельгардт, и Оле Арбеинной, с которыми у него уже новая любовь. А если я скажу, что не угадали еще «романы» нашего плейбоя с Татьяной Адамович, с дочерью Бенуа, с поэтессами Маргаритой Тумповской, Марией Левберг, и Ольгой Мочаловой... Когда он успевал, вырываясь с фронта, «выгуливать» их всех, непонятно. А ведь выгуливал! Только с Ларисой у него, если судить по стихам к ней, были и «блуждания ночью наугад... и Острова, и Летний сад...»

В апреле 1917-го встретились в последний раз. Писем ей уже не писал — слал открытки, в которых сначала превратился в «Н.Г.», потом в

\* 6  
Лариса в юности.

\* 7  
Сергей Есенин.

\* 8  
Натан Альтман.



«Н. Гумилева» и, наконец, в «преданного Вам Н. Гумилева». Он рвался на Салоникский фронт, выбил командировку. В последней открытке из Швеции напишет ей, уже «Ларисе Михайловне», всего фразу, не фразу даже — совет: «Разалекайтесь, не занимайтесь политикой». Не послушалась. Их и разведут баррикады революции.

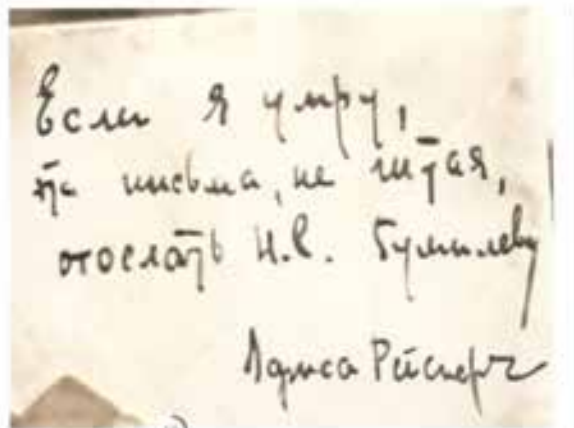
Театр заканчивался, на сцену истории «вступала» ее величество Кровь.

Через год Лариса, лебедь, лань, в шутильной анкете всерьез назовет себя «северным волком». Именно так, волком — не волчицей.

### Третье предупреждение

В революцию Лариса канула очертя голову. Еще с февраля 1917 года пропадает на митингах в цирке «Модерн», в Народном доме, где слушает Ленина, Свердлова, Володарского. В сентябре — она секретарь у только что выпущенного из тюрьмы Луначарского, в октябре в «Новой жизни» Горького публикует первую статью о революции — о морях линкора «Слава». Тогда же знакомится с Семеном Рошалем, вожаком «республики» Кронштадт, а через него — с Раскольниковым, который призывает гарнизон к вооруженному восстанию. С первых дней революции в Смольном, потом в Москве, в штабе флота, потом на Волге, где она уже — флаг-секретарь мужа, командующего красной Волжской флотилией Федора Раскольникова.

В Москве, в штабе флота, она кричит, это запомнил свидетель: «Мы расстреливаем и будем расстреливать контрреволюционеров! Бриганские подводные лодки атакуют наши эсминцы, на Волге начались военные действия. Гражданская война». На Волге, когда моряки, устроив ей проверку, посадили на



ТО ОНА, ВЫРВАВ С ГВОЗДЯМИ ЗАБИТУЮ ДВЕРЬ КУТУЗКИ, БЕЖИТ ИЗ БЕЛОГО ПЛЕНА ПОД КАЗАНЬЮ, ТО ЕЕ В СОЛДАТСКОЙ ГИМНАСТЕРКЕ ВИДЯТ НА КОНЕ ВО ГЛАВЕ ТРИДЦАТИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ МАДЬЯР...

катер-истребитель и поверли под пулеметно-кипальную батарею белочехов, она, пишет другой свидетель, не дрогнула. Дрогнули сами моряки и, когда катер дал поворот к своим, Лариса, «баба», за которой они искоса наблюдали, крикнула: «Почему поворачиваете? Рано, надо еще вперед!»

То она вырвав с гвоздями забитую дверь кутузки, бежит из белого плена под Казанью, то ее в солдатской гимнастёрке и клетчатой юбке, синей с голубым, да еще с огромными шпорами на ногах (вот это видок!), видят на коне во главе 30 революционных мадьяр — Троицкий только что назначил ее начальником штаба разведки. То, оккупировав бывшую царскую яхту «Межень», она, уже комиссар морского штаба, не только по-хозяйски входит в «покои бывшей императрицы», но, узнав, что царица вывела алмазом свое имя на стекле кают-компании, озорно зачеркивает его и своим кольцом «пишет свое имя». Наконец, на миноносце «Пряткий» на виду у противника уводит «баржу смерти» (432 заложника), а на эсминце «Карл Либкнехт» (на нем воевала уже против английских интервентов) читает матросам лекции: «Рабочий класс в русской литературе», «Песни революции и их история»...

Красиво, ну, согласитесь?!

А ведь выбор у нее был. И было еще одно, последнее предупреждение, в марте 1918-го, когда Лариса, уже «хлебнув» революционного шторма, вдруг поняла: не она рушит прежнюю жизнь, а напротив, новая жизнь стремительно разрушает ее саму, и что немедленно надо решать: с кем, куда, зачем? Выбор поставил перед ней морской врач Андрей Боголюбский, которому предлагали стать комиссаром Балтфлота. Собирались бежать из России, он написал ей: «Подумай-

\*9

Николай Гумилев.

\*10

Надпись Ларисы Рейснер на конверте: «Если я умру, эти письма, не читая, отослать Н.С. Гумилеву».

### ШТРАФ

«Но как же? — спросил. — Ведь у вас стихи о закатах, о тихих озерах. Ведь любите вы наши незатейливые сосны и доны?» — «Люблю? — пожала плечиком Лариса. — Не знаю. Это не любовь, это хитрость сердца. Я стараюсь уверить себя, что люблю». — «А человека?» — спросил. — «О, человек — другое дело! Но не такой человек, какой он сейчас. Каком должен стать. В будущем. Я вообще люблю будущее».

Вс. Рождественский



те, молю, пощадите и себя, и многих, выберите один из 2-х единственных путей, обойдите мужественно эту зловещую, дьявольскую яму, из которой не выходит даже прекраснейшие». Звал «спаси себя, пока еще не поздно», звал, вроде бы, уехать с ним через Японию — в Сингапур, в Сиам. Она даже бегала в гавань провожать Андрея.

Через три года Лариса будет корить себя, что осталась, напишет, что, возможно, все в ее жизни пошло бы тогда иначе — «лучше и человечнее».

### Вечер прощания

Поэт В. Рождественский, поэт, друг, ее соратник по университету, человек из «прошлой» еще жизни в 1920-м вспоминал: «Я спускался по Дворцовому мосту, когда за моей спиной мягко зашуршали автомобильные шины. Легко-



\* 11  
В. Фомин. Портрет Ларисы Рейснер, 1960 год.

\* 12  
Удостоверение Л. Рейснер на право ношения оружия, 1924 год.

\* 13, 14  
Комиссар Лариса Рейснер с боевыми товарищами и постигающим политическую грамоту крестьянством.



вая машина, затормозив, остановилась несколько впереди меня. Из окна кабины выглянуло что-то смутно знакомое лицо — женское. Но странно — в морской форменной фуражке... Лариса! Да, это была она — в морской черной шинели, элегантная и красивая, как всегда». Она усадила его в машину и, предложив покружить по Васильевскому острову, чтобы наговориться, властно отдала приказ шоферу-матросику...

Так встретились не вчерашний день с нынешним — эпоха минувшая с наступившей эпохой. Она позовет его в Адмиралтейство, где в квартире царского морского министра жила теперь с Раскольниковым, куда пригласит, «почитать стихи и выпить чашечку кофе», Мандельштама, Ахматову, Кузмина, Георгия Иванова, самого Блока. «Дежурный моряк повел нас по темным, гулким и строгим коридорам, — пишет Рождественский. — Перед дверью в личные апартаменты Ларисы робость и неловкость овладели нами, до того церемониально было доложено о нашем прибытии. Лариса ожидала нас в небольшой комнатке, сверху донизу заткнутой экзотическими тканями. На тахте валялись английские книги, соседствуя с толстенным древнегреческим словарем. На фоне сигнального флага висел наган и старый гардемаринский палаш. На низком столике сверкали и искрились хрустальные грани бесчисленных флакончиков с духами... Одеты были в подобие халата, прошитого тяжелыми золотыми нитями, была оживлена, смеялась, много рассказывала о боях с белыми под Казанью, о перестрелке в Каспийском море, о сказочном персидском порте Энзели — городе махровых желтых роз».

Это она в том же 1920-м пошлет голодной Ахматовой мешок риса. Спасет Мандельштама, когда его хотел застрелить Блюмкин, эсер и чекист. Это она пригнала для интеллигенции Петрограда вагон с продуктами, а в Москве, «по секрету», чтобы не обидеть, достала днепропе-



**МАДАМ, — ХОЧЕТСЯ КРИКНУТЬ ЕЙ ТУДА, НА НЕБЕСА, — АХ, МАДАМ, ЗАЧЕМ ВЫ ПУТАЛИ ТЕАТР И ЖИЗНЬ? ЗАЧЕМ ПЫТАЛИСЬ ОБМАНУТЬ И СЕБЯ, И ДРУГИХ? ЗАЧЕМ И ДЛЯ КОГО, КАК НА СЦЕНЕ, ПОЗИРОВАЛИ?**



тровским поэтам Голодному и Ясному новые ботинки, а Михаилу Светлову — еще и брюки в придачу. И это она же, Шереметьева рассказывала мне, пользуясь доверием оставшихся в живых царских адмиралов, пригласила их как-то к себе, в Адмиралтейство, якобы на обед, где их скопом (так было проще чекистам) арестовали...

Мадам, — хочется крикнуть ей туда, на небеса, в Валгаллу, — ах, мадам, зачем вы путали театр и жизнь? Зачем пытались обмануть и себя, и других? Зачем и главное для кого вы, как в детстве, как на сцене позировали?

\* 15  
Лариса Рейснер и Федор Раскольников (крайний справа) в Кабуле. 1921 год.

\* 16  
За работой.



### Дождь после засухи

*Расправили сосны душистые плечи,  
Склонили к земле увлажненные гривы.  
Упавшие капли, как звонкие речи,  
И в каждой из них голубые отлив...*

*Бесцельно-певучий, протяжный и сочный,  
Откуда ты, говор, ленивый и странный?  
Размыло ли бурей ручей непроточный,  
Усилил ли ветер свой бег непрестанный?*

*И вслед водоносной разорванной туче  
Понес утолщенных лесов славословье  
Туда, где рождается ливень певучий,  
Где солнце находит свое изголовье...*

Лариса Рейснер

### «Предполагаемое место» на Ваганьковском

Раскольников она бросит. «Как ветохъ» по-флотски скажет он. А она тогда же ухмыльнется Шкловскому: «Любовь — пьеса с короткими актами и длинными антрактами». Опять, видите, — пьеса! В любви была уже циничной: «когда видела постанную постель, говорила: кушать подано!...» Смеялась, наверное, над письмами мужа; он звал ее «мышкой», «ласточкой», «пушинкой», «цвѣточком маковым». «Ай-ляй, Ларуня, — писал, — какая ты, оказывается, злопамятная! Мало ли что может быть между супругами, какие слова могут вырваться с языка...» А может, бросила его, из-за случившегося выкидыша, говорят, третьего уже.

Раскольников станет редактором «Роман-газеты», журналов «Красная новь», «Молодая гвардия». Будет писать пьесы, возглавит Главрепертком и, как и Лариса, будет травить Булгакова. Булгаков, в своем письме к Сталину перечисляя ярых врагов своих, назовет как раз всех друзей Ларисы: Кольцова (с ним училась в Психоневрологическом), Луначарского (у кого служила), Вишневского (с кем воевала), наконец, Раскольников и Радека. Трех из них Сталин, «пригласив» в 37-м уже всю страну на последний, самый кровавый «бал», в одночасье уничтожит. И Ларису бы убил, не сомневаюсь.

А ведь она — скажу главную и самую страшную вещь! — этот кровавый «бал» готовила сама. Еще в 1918-м дочь, заметьте, правоведа, прокричала: «Именно революционный инстинкт дает окончательную санкцию, именно он очищает новое, творимое право от всех глубоко запрятанных, контрреволюционных попятностей».



→

Писала за 20 лет до Вышинского, прокурора-людоеда, обосновавшего этот «инстинкт». И будучи комиссаром флота, еще при жизни Гумилева, на вопрос, что сделала бы с ним, если ее Гафизу грозили бы расстрел, бестрепетно бросила: «Топить бы его не стала, но палец о палец не ударила бы для его освобождения».

Вот так! И, может, потому она и влюбилась перед смертью в себе подобного. В циника, идейного негодника, яркого насмешника Карла Радека — «старую коминтерновскую лису». Тот так до конца и не оставил жены ради Ларисы. Но на похоронах ее так рыдал, что его волокли за гробом.

Почетный караул. Некрологи в 30 газетах и журналах. Сам Пастернак написал стихи. Но когда через год покончила с собой мать Ларисы, а еще через год умер и отец, могила Ларисы затерялась. Лишь в 1964 году ей поставят надгробный памятник на каком-то «предполагаемом месте».

Судьба? Или наказание?

\* 16  
Пресса скорбит...

\* 17, 18  
С Карлом Радеком и его дочерью Софьей. Уже скоро Исаак Бабель будет поддерживать безутешного Радека на похоронах Ларисы...



В 1926 году она написала в статье: «Немногие научились видеть революцию, смотреть, не мигая, в раскаленную точку, где в пламени ворочались побежденные классы, и целые пласты старой культуры превращались в пепел. И все-таки смотрели, не отворачиваясь, и написали потрясающее, безобразное и ни с чем не сравнимое в своей красоте лицо революцион». Безобразное и красивое!.. Ей было 30 лет. Всего.